

ХАРЬКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ).

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Подписанная цѣна на Прибавления:

Безъ доставки и Съ доставкою
пересылки, и пересылкою.

За годъ 2 р. 2р. 50 к. с.
—полгода 1 р. 25 к. 1 р. 60 к. с.

На Губернскія Вѣдомости:

Безъ переплета . . . 3 р. сер.
Въ переплѣтѣ . . . 3 р. 85 к.

За доставку на домъ или пе-
ресылку по по чтѣ въ годъ 50 к.

Подписавшіеся на оба газда
платить за пересылку или дѣ-
ставку только 50 коп. сереб.

Подписка принимается въ Кон-
торѣ Редакціи, въ нижнемъ эта-
жѣ дома Губернскихъ Присут-
ственныхъ мѣстъ.

Частныя объявленія принима-
ются за букву и цифру по 1/2
коп. сер. за каждый разъ.

№ 121.

СРЕДА.

5-е Декабря.

1862.

Статьи для напечатанія и вообще всячаго рода извѣстія просятъ присыпать на имя Редактора.

СОДЕРЖАНИЕ: Библіографическое извѣстіе.—Нѣсколько словъ о представлениихъ г. Ольдриджа.—Изъ
нашей роденки.—Дневникъ.—Частныя объявленія.

Слѣдующій № выйдетъ въ Понедѣльникъ 10
декабря

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТИЕ.

Въ книжномъ магазинѣ Е. С. Балліной и въ
конторѣ редакціи поступила въ продажу брошюра «Объ
улучшении общественного управления въ Харьковѣ»,
заключающая въ себѣ труды комиссіи, составленной
съ этой цѣлію.

Читатели Прибавлений уже знакомы съ этими тру-
дами, изъ тѣхъ краткихъ извлечений, которыхъ мы
помѣщали иногда въ нашей газетѣ. Теперь они мо-
гутъ вполнѣ познакомиться съ основаніями будущаго
управления нашего роднаго города, и новая брошюра
составить интересное чтеніе для тѣхъ, кто интересу-
ется улучшеніями въ нашей общественной жизни.

Цѣна брошюры 45 коп. безъ пересылки.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРЕДСТАВЛЕНИЯХЪ Г. ОЛЬДРИДЖА.

(Окончаніе.)

«Макбетомъ» закончился репертуаръ г. Ольдрид-
жа; публика видѣла такимъ образомъ все пьесы,
въ которыхъ играетъ знаменитый артистъ.

Въ № 118 мы говорили съ какимъ нетерпѣ-
ніемъ все ожидали представлія Макбета; дѣйстви-
тельно, въ первое представліе театръ былъ со-
вершенно полонъ—даже приставные стулья не много
помогли лицамъ, желавшимъ посмотретьъ эту пьесу.
Во второе представліе, мѣста были заняты едва-ли
не на половину; отчего это? Какимъ образомъ одна
и та-же публика, которая не оставляла ни одного
свободнаго мѣста на 4-хъ представлениихъ Отелло,
такъ приобрѣгла *вторымъ* только представліемъ
Макбета?

Не думаемъ что-бы это обстоятельство можно

было объяснить дурнымъ вкусомъ публики—противъ этого краснорѣчіво говоритьъ 4 представлениія Отелло. Еще менѣе можно искать причины этого охлажденія въ самой пьесѣ—это сдѣлать враніе—ли кто рѣшился. Остается одно предположеніе—игра артиста неудовлетворила публику. Но и отъ этого предположенія будетъ далекъ всякий, кто видѣлъ эту пьесу. Послѣ Отелло, сколько намъ кажется, игра г. Ольдриджъ заслуживаетъ больше всего вниманія въ Макбетѣ. По крайней мѣрѣ знаменитая сцена послѣ убийства Дункана, стоять начало ревности въ Отелло. Но въ Макбетѣ г. Ольдриджъ, хороши именно по своему.

Вообще талантъ его, сколько мы могли замѣтить изъ его представлений, болѣе способенъ изобразить развитіе какой-либо положительной страсти; страсти, подчиняющей себѣ всего человѣка, уничтожающей всякую способность анализа, и дѣлающей изъ воли, орудіе темперамента, подчиненного ей человѣка. Вотъ почему лучшимъ выраженіемъ таланта г-на Ольдриджа служить роль Отелло, и Отелло лучше всего воспроизведенъ въ игрѣ г. Ольдриджа.

«Макбетъ» не принадлежитъ къ числу такихъ характеровъ, въ основаніи которыхъ лежитъ одна, сильная и преобладающая страсть; не честолюбіе влечетъ его отъ преступленія къ преступленію; не подъ его влияніемъ развращается онъ. Для того, что-бы довести его до первого преступленія, нужны были слова трехъ вѣдьмъ, и то, что-бы слова эти отчасти сбылись; нужно было неотразимое влияніе жены, и ея страшная логика. Такимъ образомъ весь характеръ Макбета слагается подъ влияніемъ неотразимыхъ вѣшнихъ силъ, предъ которыми безсильна вся его энергія; онъ не есть характеръ, мощно развивающійся, и ломающій преграды въ борьбѣ совсѣмъ окружающимъ.

Самое любопытное поэтому въ игрѣ хорошаго артиста, въ роли Макбета, прослѣдить, какимъ образомъ человѣкъ, который сначала и не помышлялъ объ измѣнѣ своему государю, служилъ доблестно своей странѣ,—отъ неясныхъ стремлений, возбужденныхъ въ умѣ его словами вѣдьмъ, становиться измѣнникомъ, начиная убийцею и тираномъ. Какъ продолжается борьба его противъ судьбы, которую онъ заранѣе знаетъ,

Этого рода анализа можно ожидать отъ артиста, который понимаетъ Шекспира подобно г. Ольдриджу. И это, сколько намъ кажется и можно было слѣдить въ игрѣ его. Мы конечно далеки отъ намѣренія разбирать его игру, со всею точностью и подробностью. Скажемъ только одно; въ этой роли, какъ и во всѣхъ другихъ роляхъ, г. Ольдриджъ остался вѣренъ основной чертѣ своего таланта; самыя сильныя мѣста его роли были именно тѣ, где нужно было изобразить какое-либо сильное движение чувства. Такова сцена послѣ убийства Дункана, где артистъ былъ до того хороши, что по выраженію изъ которыхъ зрителей, былъ непріятно-натураленъ; ужасъ при видѣ тѣни Банко, сцена передъ убийствомъ и т. д.

«Макбетъ» требуетъ большаго количества хорошихъ актеровъ и хорошихъ декорацій другихъ пьесъ Шекспира; поэтому мы находились въ полной увѣренности, или въ театрѣ, что хорошее впечатлѣніе, произведенное на насъ Ольдриджемъ, будетъ сильно попорчено совокупностю дурныхъ актеровъ и неудачныхъ декорацій. Каково-же было наше удивление, когда мы пріятно разочаровались!

Леди Макбѣтъ, конечно, могло бы быть лучше, не заслоняя тѣмъ и игру Макбета. Впрочемъ, добросовѣстное изученіе роли сдѣлало то, что не смотря на все недостатки голоса, мимики и другихъ средствъ актрисы, роль была исполнена сносно.

Жаль только что сцена сомнамбулизма была исполнена ужъ очень плохо и неестественно. Леди Макбетъ изобразило скорѣе призракъ безумія, чѣмъ лунатизмъ. Это тѣмъ болѣе жаль что сцена эта едва ли не лучшая изъ всей роли Леди Макбетъ.

На г. Степанова вліяніе Ольдриджа произвело сильное и благотворное дѣйствіе. Въ Эдгарѣ Глостерѣ онъ былъ уже лучше чѣмъ въ Кассіо; въ Макдугѣ несравненно лучше чѣмъ въ Эдгарѣ. Желаемъ ему отъ души перенять скорѣе по-большѣ хорошую у г. Ольдриджа и затѣмъ позаботиться о самостоятельности.

По одно слѣдовало ему обратить вниманіе; въ поединкѣ онъ долженъ былъ парадить на Макбета, который рѣшился избрать вѣрную уже смерть, для избѣженія позора; а выходило на оборотъ.

Банко вовсе не произвель на насъ того дѣйствія, какое долженъ бытъ произвести; намъ невольно пришелъ въ голову контрастъ между словами Макбета о Банко,

Мой страхъ предъ Банко глубоко проникъ
Миѣ въ сердце; въ царственной его натурѣ,
Есть что-то поселяющее страхъ.

И тѣмъ, что мы видѣли на сценѣ.... Жаль, что не позаботились даже объ его костюмѣ; мы не говоримъ что костюмъ его долженъ бытъ равняться съ костюмомъ г. Ольдриджа. Но во всякомъ случаѣ, Банко, какъ полководецъ равный Макбету, могъ разсчитывать, что онъ не будетъ составлять такого рѣзкаго контраста по костюму съ своимъ товарищемъ, и не будетъ похожъ на слугу Макбета, занимающаго одну изъ вицшихъ должностей при своемъ господинѣ.

Появленіе такихъ предметовъ какъ тѣнь Банко, должны сколько намъ кажется, производить въ зрителяхъ чувство совершенно противоположное спокойствію.

Три вѣщихъ вѣдьмы, которыя такъ играли судьюю благороднаго Макбета, должны также стараться не производить неудержимаго смѣха въ публикѣ.

Декорациіи были очень недурны, и устроены съ большимъ знаніемъ дѣла—слѣдовательно все, что могла сдѣлать дирекція, она сдѣлала. Нужно только перемѣнить шлемы у храбрыхъ воиновъ, и не давать повода къ сравненію ихъ съ пѣтухами, къ крайнему удовольствію всѣхъ, любящихъ то, что называется скандаломъ.

Мы не думаемъ, что харьковской публикѣ придется имѣть скоро дѣло съ артистами подобными г. Ольдриджу. Нѣтъ сомнѣнія что намъ опять придется наслаждаться прелестями Парашы Сибирячки и Проконія Ляшунова....

Одинъ изъ зрителей.

ИЗЪ НАШЕЙ РОДЕНЬКИ.

(Продолженіе).

—Ха, ха, ха,—нашла кого дурачить, знаемъ мы эти штуки-то.... прочь! крикнуль онъ, когда я ухватилась было за его колѣна.

—Господи, Боже мой! чѣмъ мнѣ завѣрить его, рыдая говорила я.

Онъ какъ будто немногого усумнился.

—Полно ревѣть-то, сказалъ онъ ужъ не такъ грязно, разсказывай какъ всѣ дѣло было.

Я начала все рассказывать, ничего неутаила. Онъ замѣтно смягчился, мнѣ показалось даже, что онъ вздохнулъ раза два.

—Ну слушай дѣвка, подкопецъ сказалъ онъ, врешь-ли ты, али правду говоришь, мнѣ все равно, только ты въ моеѣ домѣ жить больше не будешь, иди къ другимъ роднымъ.... Я твоей матери обѣщалася наградить тебя приданымъ; я свое слово сдержу, только не изъ моего дома ты подъ вѣнецъ пойдешь. Потѣжай себѣ,—вотъ тебѣ на дорогу,—онъ вынулъ деньги и подалъ мнѣ.

—Дядинька, какъ я брошу Настишо—то, вѣдь она при смерти сердешная!

Онъ вздрогнулъ, уронилъ деньги, что въ рукахъ держалъ.

—Коли она такъ дорога тебѣ, оставайся пока выздоровѣТЬ, али помрѣТЬ.

Послѣднія слова онъ сказалъ почти шепотомъ.

Я поскорѣй выбралась изъ комнаты. Не успѣла я затворить дверь, какъ въ дядинькиной горницѣ что-то ударилось, а потомъ страшно таково застонало. Я притворила дверь и глянула. Дядя упаль подъ дивана, положилъ на него свою сѣдую голову, схватилъ ее костлявыми руками и таково-то горько, да болѣю рыдалъ, такъ не по человѣчески всхлипывалъ, что я незнаю, что и сдѣлалось со мной; жаль мнѣ тогда стало его и коли-бѣ онъ хоть слово сказалъ мнѣ тогда, полюбила-бѣ я его иначе отца родного.

Долго я простояла у дверей, пока дядя не поднялся и не успокоился. Съ этого дня я часто думала о дяди и сожалѣла не обѣ однѣ Насти. Пришла я въ нашу горницу, сѣла около большой и на-

чала раздумывать и о своей горькой судьбѣ, куда я дѣнусь, гдѣ поселюсь? Была у меня одна тетка, да и та женщина бѣдная, жила у своего сына пономаря и жила она бѣдо. Надумала я наняться къ кому-нибудь, а пока найдется мѣсто по-жить у тетки; буду помогать имъ въ работѣ, такъ авось не потяготится мной.

—Ксюша, это ты! слабымъ голосомъ произнесла больная.

Я не вѣсть какъ обрадовалась.

—Что тебѣ моя штатка, легче стало?

—Да, мнѣ легко.... она замолчала, но потомъ опять спросила.

—А Ваня не знаешь гдѣ, что съ нимъ?

—Чезнаю я моя радость, вотъ погоди, выздоровѣешь о всемъ разузнаемъ.

Она больше не говорила и заснула въ первый разъ легкимъ сномъ. Съ этого времени она начала замѣтно поправляться; но ужъ той веселости, прежняго яснаго взгляда къ ней не ворочалось. Какъ убитая ходила она, ничего не дѣлая, ни ва что не глядя. Только бывало и оживиться не много, какъ заговоришь обѣ Иванѣ. Тоска смертная стояла у настѣ въ домѣ! Сидѣли мы какъ-то вдвое;—я работала, Насти тоскливо смотрѣла въ окно на узоры, что морозъ росписалъ тамъ, да на мѣлкій сѣйчикъ, что замѣталь окна. Тихо у настѣ въ горницѣ, только вѣтеръ гудеть въ трубѣ, да трясеть заслонку, да маятникъ на стѣнныхъ часахъ почкиваетъ. Вдругъ Насти быстро поднялась съ мѣста и упала предо мной на колѣна; я было вскочила, но она охватила мои колѣни и прижалась своей головой.

—Ксюша, душечка, сходи ты къ Ивану, или пусти меня къ нему, ужъ не въ терпѣнѣ ми становиться, не могу я жить такъ незная ничего.

Я начала ее уговаривать, такъ пѣтъ ничего не помогаетъ,—просить и молить безъ конца, такъ что я наконецъ обѣщалась сходить къ нему. Насти обрадовалась, цѣловала меня, обнимала, засмѣялась въ первый разъ.

—Скажи ты ему, говорила она, что я незабуду его, что я какъ выздоровлю приду къ нему, куда бъ его незагнали... скажи, что-бы онъ не кручинился, что тоской горю не поможешь.

Она долго говорила такимъ образомъ. Весь толь-

день била ее лихорадка, я боялась, что-бы она опять не заболѣла. На другой день утромъ я взяла съ собой кухарку, одѣлась во все темненькое, что было по-хуже и пошла въ острогъ. Всю дорогу я тряслась, сама незная чего. Въ острогѣ насъ не пустили спачала, но я начала упрашивывать, называясь сестрой прибывшей изъ деревни и меня пустили. Вошла я въ приемную и со страхомъ сѣла въ уголку. Тамъ въ это время было два кружка только,—тоже пришли повидаться. Въ одномъ углу молодой красивый малый, обрѣтый, стоялъ опустивши голову передъ худой, заплаканной старушкой. Она что-то говорила ему, спѣшило утирая глаза, изъ которыхъ катились слезы; брала его за руки, съ тоской глубокой посмотрѣвала на него, а онъ, какъ-то тупо смотрѣлъ въ полъ, да встряхивалъ головой, какъ будто на ней была скобка. Въ другомъ мѣстѣ плечистый, высокий человѣкъ говорилъ съ молодой женщиной поблѣдѣвшей, но очень красивой, за подолъ которой держалась дѣвочка лѣтъ двухъ. Они близко стояли около меня и я по временамъ слышала ихъ разговоръ.

—Угонютъ, Марья, горько усмѣхаясь говорилъ высокий человѣкъ, далеко угонютъ. А ты погорюешь, погорюешь, да за другого замужъ выдѣшь;—ты мѣлода еще, повидишь еще радости.

Марья съ упрекомъ посмотрѣла на него и запла-
кала;—онъ тронулся, поднялъ дѣвочку и хотѣлъ поцѣловать,—та отшатнулась, должно быть испугалась его бритой головы.

—Рано забываешь, сказаль онъ и поставилъ ее на полъ.

Въ это время зазвенѣли кандалы, отворилась дверь и вошелъ Иванъ. Сильно перемѣнился онъ за это время; глаза потуснѣли, щеки осунулись, высокіе и перепутанные волосы лежали, какъ мочалка; на немъ еще была тонкая сибирка и красная рубаха, но все это обтерлось и висѣло, какъ на вѣшалкѣ.

—Вотъ удружила, говорилъ онъ, стараясь покашаться весельимъ, какъ это занесло тебя въ наши налаты блокаменные.

—Да вотъ тебя провѣдать пришла, какъ живется тебѣ здѣсь Иванъ Ильичъ?

—Что-жъ живется весело, каждый день пиры, да банкеты, ключевую водицу пьемъ, сухарями заку-

сываемъ, изъ зарѣшатчатыхъ окошечекъ выглядываемъ.

— Не до шутокъ теперь, Ваня, тамъ вотъ Настя чуть не умерла, а все изъ за тебя!

— Прости душа Ксюша, отъ тоски болтаешь, право.

Такъ Настя больна была, теперь лучше-ли ей?

— Да, теперь лучше, только грустить больно, тебя все вспоминаетъ.

— Не стою я этой девушки, сказала Иванъ, ужъ пропадать-бы мнѣ одному, какъ собакѣ, а то вѣдь и ее участъ-то не радостная, да авось она забудетъ меня!

— Плохо ты знаешь ее Ваня! ни въ жизнь она тебя не забудетъ;—она вотъ съ тобою собирается идти, куда-бы тебя не послали.

— Эхъ, радость моя, незнайтъ она какихъ я дѣловъ въ прежнія времена надѣлалъ, въ какихъ я мѣстахъ темныя ночи проваживалъ, вѣдь дѣло-то мое Владиміркой пахнетъ, не слѣдъ мнѣ вѣкъ ее дѣвичїй губить, отправлюсь я одинъ.

Не успѣли потолковать мы съ нимъ, а ужъ солдатъ отправляетъ насъ домой. Дѣлать нечего,—пошла и я радовать свою горемычную. Она за воротами встрѣтила меня;—больная, слабая, чуть на ногахъ еще держится; и отвела ее въ горницу и тамъ разсказала все.

— А когда рѣшать его дѣло? спокойно спросила она меня.

— Кто-жъ его знаетъ, да на что тебѣ?

— Собираться буду, съ намъ отправлюсь.

Я ужъ и не противорѣчила. Опять пошли у насты ровные, да скучные дни. Я не уходила, да и кудѣ-бѣ пошла по такимъ холодамъ? дядя ничего не говорилъ съ нами; молча садился за обѣдъ, молча кончалъ его и уходилъ въ свою горницу. Настя боялась приступиться къ нему, я и подавно. Наступала масляница, шумнѣй стало въ нашемъ городкѣ; изъ деревень много понаѣхало; въ городѣ спѣшили свадьбы поканчивать;—каждый день можно было слышать у чыхъ-либо воротъ пѣсни, да стукъ въ мѣдные тазы. Прежде мы-бы не миновали вечеркомъ сходить посмотреть свадьбу, теперь-же не до этого было. Сидимъ мы этакъ, да на червоннаго короля перекидываемъ, дядинку изъ гостей къ ужину поджидаемъ. Вдругъ слышимъ къ воротамъ подлетѣли сани, проскрипѣль снѣгъ подъ подрѣза-

ми, захрапѣли лошади и остановились. Залаяла собака, но тотчасъ перестала, какъ видно, услышавъ знакомый голосъ. Отворилась дверь наша и за клубомъ внесенного пара, въ тепломъ тулуни и въ высокой бѣрчатой шапкѣ явился къ намъ Иванъ Ицычъ. Онъ былъ весь въ снѣгу. Острожная жизнь еще видна была на немъ, но худыя щеки разрумянились морозъ, а подровненныя кудри ужъ гладко лежали на головѣ.

— Неожидали, красавицы, началъ онъ, вѣдь это взаимруду, какъ снѣгъ на голову.

Онъ сбросилъ шубу и началъ обнимать Настю; та сначала совсѣмъ растерялась, а потомъ ужъ начала и плакать, и смеяться вмѣстѣ.

— Да какъ-же это ты, голубчикъ мой, вырвался оттуда, какъ пришелъ? невпнитно говорила она.

— Вотъ такъ, взялъ да и перелетѣлъ черезъ стѣны острожныя, чтобы мою любу повидать... впрочемъ обѣ этомъ послѣ,—некогда теперь разтарбировать,—я пришелъ проститься съ тобой, Настя, далеко я ъду, можетъ и увидаться не придется никогда, прости моя голубушка, не пришлося намъ счастья повидать съ тобой, разлуча-ть насъ вороги, что дѣлать, видно судьба наша такая!

— А ты развѣ не возьмешь меня съ собой? какъ будто не понимая, спрашивала Настя.

Иванъ весь вспыхнулъ.

— Настичка! подумай какая моя жизнь собачья, какъ за мною гоняются вездѣ; размысли, что можетъ черезъ день, черезъ два я опять попаду за рѣшетчатыя окошки и тогда скажи.

— Я ужъ обо всемъ думала,—я ничего не боюсь. Коли-бѣ любилъ ты меня, какъ я тебя люблю, не стала-бы ты эти рѣчи распускать, а взялъ-бы меня, да и побѣхаль куда глаза глядятъ.

— Ну пусть Богъ и люди меня покораютъ, а ужъ съ тобой Настя мы неразлучимся;—одѣвайся сей-часъ, да поѣдемъ со мной.

Настя радостно вскрикнула, засуетилась тотчасъ, захватила кое-что изъ платья, да изъ вещей своихъ и была готова. Я стояла все это время и молча смотрѣла.

— Господи! наконецъ вскрикнула я, да что-жъ со мной здѣсь будетъ, какъ я встрѣчу дядю, куда мнѣ дѣваться?

— Собирайся и ты Ксюша, я отвезу тебя къ матуш-

кѣ, ты тамъ перебудешь пока, а потомъ найдешь себѣ мѣсто; все равно тебѣ здѣсь не жить: дядя и народъ здѣшний пѣтдомъ сѣѣдятъ тебѣ.

Недумавши много я связала свои пожитки, надѣла свою шубу и приготовилась идти съ ними; мы вѣс поднялились. Настя зашлакала.

— Прощай моя жизнь лѣвичья, прощай моя горенка, прощай и прости меня родной батюшка, не на радость видно, не на уѣху жила я съ тобой.

Номолились мы, положили по три земныхъ поклона и тихо выбрались изъ нашего старого, уютнаго домика. Тройка добрыхъ лошадей и широкія сани стояли у воротъ; крѣпкій, здоровый мужикъ сидѣлъ кучеромъ.

— Ну милыя, — трогай! крикнулъ онъ.

Лошади рванули и мы помчались по глухимъ улицамъ города. На углу нашего переулка намъ попался какой-то прохожій, онъ остановился и долго глазами провожалъ насъ. Мне показалось, что это былъ дядя и я со страхомъ прижалась въ уголъ саней. Но вотъ мы подѣзжаемъ къ концу города, вотъ и острогъ виднѣется.

(Окончан. въ слѣдующ. №).

ДѢЕСТВІЕ ИЗЪ Ч. 2

— Въ ночь, съ 13 на 14 ноября, изъ запертаго амбара украдено принадлежащее рядовому Антону Ковтовскому и казенному деньгищику Степану Мезенцовскому разное имущество на 35 руб. и деньгими 15 р. сер. При дознаніи по сему предмету, взятый по подозрѣнію временно-обязанный дворовый человѣкъ полковника Деламота Федотъ Мирошниченко, въ кражѣ имущества сознался. Имущество все при обыскѣ отыскано въ квартирѣ временно-обязаннаго дворового человѣка г-жи Кременецкой Андрея Ковтуна, которому это имущество передано Мирошниченкомъ за вѣдомо украденаго, а денегъ 15 р. неоказалось. Кроме означенного имущества у Ковтуна найдено подозрительными: по-

вые саноги, двое шароваръ, 2 сюртука, пальто, чуйка, тулузъ крымскихъ смушковъ, крытый чернымъ сукномъ, поясъ, 3 двухствольныхъ ружья, пороху до полфунта, деревянная маленькая шкатулка, 6 нитокъ манистъ, 4 запонки, маленький ключекъ отъ внутренняго замка и денегъ серебромъ 17 р., одна монета въ 1 р. 30 к., 3-ти франковая монета въ 1 р. 30 к. и мѣдью 84 коп. сер. Мирошниченко и Ковтунъ арестованы при 1-й части: хозяевъ къ отысканнымъ заподозрѣнныемъ у Ковтуна вещамъ по розыску еще неоказалось; дознаніе же передано г. судебному слѣдователю.

— Въ слѣдствіе объявленія харьковскаго мѣщанина Федора Руденка, о похищении у него, въ пьяномъ видѣ, вечеромъ, съ 13 на 14 ноября денегъ, 70 руб. сер., провожавшимъ его къ рыбному базару, где онъ Руденко, занимается торговлею саней, квартирующимъ пососѣству съ нимъ, въ домѣ мѣщанки Горюновой — квасчикомъ, калужской губерніи и уѣзда временно-обязаннымъ крестьяниномъ помѣщика Головина Иваномъ Ефимовымъ; онъ Ефимовъ, хотя долго не сознавался, но въ послѣдствіи объявилъ, что денегъ этихъ онъ у Руденка не вынималъ, а поднялъ на землѣ у ногъ его, и не 70 р., а 54 р. кредитными билетами, изъ коихъ 9 р. 15 ноября утромъ, употребилъ съ товарищемъ его Василиемъ Кузнецовымъ и временно-отпускнымъ рядовымъ Петромъ Гуськовымъ, на покупку въ лавкѣ куща Александрова дубленаго полушубка и на залѣпанскоій базарѣ теплой шапки, Кузнецовъ также сперва отвергая это, въ послѣдствіи сознаваясь въ томъ, что изъ числа тѣхъ-же денегъ 17 р. сер. употребилъ онъ того-же 15 ноября на посылку по почтѣ г. Головину оброка, а остальные затѣмъ 28 р. взяты скрывшимся отъ нихъ означеннымъ рядовымъ Гуськовымъ; по обыску у Ефимова и Кузнецова денегъ неоказалось, почему по задержаніи Ефимова и Кузнецова дознаніе съ полушубкомъ передано г. судебному слѣдователю.

— Въ ночь, съ 14 на 15 ноября, неизвѣстно кѣмъ подкинутъ къ дому харьковскаго государственного крестьянина Марка Незовибатька мужескаго пола младенецъ, по видимому не крещен-

ный, который отданъ на воспитаніе государствен-
нымъ крестьянамъ курскаго уѣзда, сл. Ямской
Богаровъ.

ЧАСТИЦЫ СЕЛЬЗИМСКИИ.

1) СЪ ЛОНДОНСКОЙ

ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ

только что получены

**НОВѢЙШИЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ АПА-
РАТЫ, ЗА КОТОРЫЕ ВЫДАНЫ
НАГРАДЫ,**

превосходящіе исполненіе всѣхъ преж-
нихъ машинъ.

Пріемъ ежедневно отъ 10 до 2-хъ ча-
совъ.

Визитныя карты лакированныя и не
лакированныя 7 р. сер. дюжина.

Въ фотографіи **ОТТО ЛЮТЦЕ,**
на Московской улицѣ, въ домѣ
Гончаровой. (280) — 1

2) ИЗДАНЫ МНОЮ

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ВИДЫ

ГОРОДА КИЕВА,

величиною отъ $7\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ вершковъ.
Чисто отдѣленные и съ лучшихъ мѣстъ
снятые.

Эти виды доставляютъ весьма зани-

мательное украшеніе комнатъ. Каждыи листъ порознь 75 коп. сер. или
цѣлое собраніе, состоящее изъ 25-ти
картина — 18 руб. сереб.

Можно получать въ моемъ заведе-
ніи, на Московской улицѣ, въ домѣ
Гончаровой.

Фотографъ ОТТО ЛЮТЦЕ. (320) — 4

3) ПРЕПОДАЮ УРОКИ

**ВЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ФОТОГРАФІИ**

и имѣю постоянно въ запасѣ

НЕОБХОДИМЫЯ МАШИНЫ И ПРЕПАРАТЫ.

Что-бы вполнѣ снабдить каждого же-
лающаго заняться этимъ искусствомъ.
Для условія, принимаю каждый день,
въ моемъ заведеніи, на Московской
улицѣ, въ домѣ Гончаровой.

О. ЛЮТЦЕ. (230) — 1

4) ДЕСИФ

**ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАД-
ЛЕЖНОСТЕЙ**

Д. ВУЛЬФА,
въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго
Проспекта и Большой Конюшенной,
въ домѣ Петропавловской церкви,
квартир. № 16.

Входъ съ Больш. Конюшенной.

Объективы, приборы, химическая матеріалы, фотографическая бумага, стекла, краски, рамки, стереоскопы, брестольскій картонъ, альбомы, медальоны; разнообразный выборъ рамокъ для портретовъ и визитныхъ карточекъ.

ПО УМЕНЬШЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Прейс-курантъ присыпается бесплатно. (394)—1

AU GRAND RABAIS.

ПРОДАЖА ПО САМЫМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ,—

ВЪ МАГАЗИНЪ ЯКОВСОНА,

на Московской улицѣ, въ домѣ г.
Витковскаго, съ 4-го декабря с. г.
(110)—1.

6) Продаются городские парные сани, въ
домѣ Велихова, на Пескахъ; спросить въ
нижнемъ этажѣ Григорія. (80)—1

7) За дѣлскимъ приютомъ, на Садовой
улицѣ, въ домѣ Залесскало продается ро-
ль роботы Бирмана,—по весьма сходной
цѣнѣ. (94)

8) **РАСПРОДАЖА** съ 5 декабря по де-
шевымъ цѣнамъ мануфактурныхъ товаровъ,—
въ Панской Линіи, противъ собора, въ лавкѣ
бывшей Першиной. (106)—2.

Одобрено цензурою. 4-го декабря 1862 г.

9) Правленіе харьковской акціонерной ком-
пании по торговль шерстью, объявляетъ о
утерѣ двухъ акцій компаний выданныхъ 1838
года августа 24 дня, за №№ 533 и 533, па
имя помѣщика змievскаю уѣзда, титуларного
совѣтника Федора Петровича Балавенскаго.

(200)—2.

10) Нуженъ учитель съ университетскими
познаніями, въ отъездѣ за 100 верстъ отъ
Харькова, для приготовления юноши по про-
грамми къ поступленію въ университетъ. Же-
лающаю занять място, просить уведомить
письменно объ условіяхъ, адресуясь на почто-
вую станцію Боромлю, къ станціонному смот-
рителю. (234)—3

ДРФІВА

СУХІЕ, ДУБОВЫЕ И СОСНОВЫЕ

продаются въ заводѣ масляныхъ красокъ

ОСІПА РАШКЕ,

НА МОСКАЛЕВКѢ,

іодъ принимаются заказы на большія партии.
Тамъ-же можно имѣть во всякое время
рубленные дрова саженями и меньшими пар-
тиями. (168)—6

ПАРОВАЯ МЕЛЬНИЦА,

находящаяся въ г. Харьковѣ, на Москалевкѣ,
при заводѣ масляныхъ красокъ,

ОСІПА РАШКЕ.

Принимаетъ всякаго рода зерно для перемола
на муку и крупу; тамъ-же и покупается зерно.
(178)—6

Редакторъ А. Градовский.